

# ЧЕРТОВ АДВОКАТ

– Ах, ты... ох, ты, черт! – простонал адвокат Семен Маркович Безакцизный, массируя поясничную область. – Чтоб тебя разорвало.

Так он отреагировал на неожиданную тянущую боль в левой почке. Наверняка расплата за вчерашний ужин с клиентом в ресторации: переборщил с острыми закусками. Поднявшись с дивана, он мелкими шажками, словно опасаясь что-то расплескать, просеменил в туалет.

– М-м, сатана! – раздался новый раздраженно-плаксивый возглас из-за туалетной двери. А через полминуты снова, с болезненным шипением: – С-с-сатана!

Уже в ванной вновь схватился за поясницу.

– Ферт, ферт, тьяфол! чтоп фас фсех!.. – с чувством заявил он, яростно плюясь зубной пастой.

Согнувшись в полупоклоне и бережно придерживая себя за поясницу, пошаркал в гостиную, намереваясь лечь на диван и включить телевизор. Хотя и рано, а заснуть уже все равно не удастся.

Однако стоило Семену Марковичу переступить порог комнаты, он так и застыл с открытым ртом.

На его любимом кожаном диване, без церемоний закинув обутые ноги на журнальный столик, сидел один из его недавних клиентов – частный предприниматель Иван Карлович Тойфель – и невозмутимо раскуривал сигару, причем не «Боливар», которые Семен Маркович держал специально для гостей, а припасённую им исключительно для себя «Кабаньяс». Одет Иван Карлович был в черный костюм строгого покроя, контрастировавший с крайней бледностью его лица; на голову он нахлобучил вельветовую шляпу, совершенно не шедшую к остальному облачению.

– Иван Карлович?! Вы тут как? Зачем вы тут?

– Приглашен, – коротко отвечал г-н Тойфель, невозмутимо попыхи-вая сигарой; при этом дым шел у него отчего-то не изо рта или носа, а выбивался откуда-то из-под шляпы.

– То есть как приглашен? Когда... куда... то есть кем?

– Ну вот, – пожал Иван Карлович плечами, – сам пригласил, а теперь манкирует. Нехорошо-с!

– Сам? Я? П-позвольте... – еще больше растерялся Семен Маркович, – это когда же? Вчера разве? Или раньше... я абсолютно не помню, что-бы я вас... да нет, я совершенно уверен, что вас я...

– Не вчера и не раньше, а только что.

– Х-хы... – Семен Маркович недоверчиво дернул головой. – Я? Только что? Как это? Чертовщина какая-то!

– Именно, – кивнул Тойфель, выпуская из-под шляпы целое облако сизого дыма, – именно чертовщина.

– Позвольте! – спохватился вдруг Семен Маркович, отступая на шаг. – А-а... как вы здесь оказались?

– О-хо-хо, – вздохнул Иван Карлович и поднялся с дивана, – мать моя София, какой непонятливый.

А потом вдруг наставил на Безакцизного тлеющий конец сигары и, тыча им, будто обличительным перстом, тому в грудь, произнес с некоторым раздражением:

– Дьявола, дьявола ты вызвал! Что ж тут непонятного?

– Какого... дьявола? Какого еще дьявола? – только и мог повторять адвокат, пятясь под выпадами раскаленной сигары, пока не уперся в книжный стеллаж.

– Позвольте отрекомендоваться, – поклонился г-н Тойфель с официозным видом. – Барон Мальфас, к вашим услугам. – И добавил, по-военному щелкнув каблуками: – Второй чин третьего легиона.

– Почетного легиона?

– Ангелов бездны. Ну ты Данте читал? Вон же он у тебя на полочке стоит, между «Исследованием скопческой ереси» В. И. Даля и «Разысканием об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» того же автора.

– Ч-читал, – в полной растерянности пробормотал Семен Маркович севшим голосом, – правда, только «Ад». Кажется, еще «Чистилище»... а «Рай» не одолел... не одолел... Господи, при чем тут Данте?!

– Фуй, фуй! – по-кошачьи зафыркал назвавшийся бароном Мальфасом г-н Тойфель. – Один из них точно ни при чем. Точнее, ни к чему... М-да, народец нынче пошел сплошь малограмотный. Какой там Дионисий Ареопагит – Данте Алигьери не знают. Ладно уж, объясняю, так и быть. – Гость вздохнул с видом столичного политтехнолога, вынужденного читать лекцию коллективу животноводческого хозяйства. – Все ангельские чины, чтоб ты знал, делятся на три триады, или лика. К высшему лику относятся серафимы, херувимы и престолы. Средний составляют господства, силы, власти. Наконец, завершают иерархию – начала, архангелы и ангелы. А поскольку мы, дьяволы, суть падшие ангелы (про это-то ты, хоть, слышал?), у нас почти все то же самое. Только вместо ликов – легионы. Считай, три легиона по три чина в каждом. Совершенно понятно. Ну, к примеру, мой чин соответствует архангельскому. Ферштейн?

– Э-э... мм, мм, вы хотите сказать, что вы... э-э, в самом деле дьявол? – выдавил из себя Семен Маркович и, не сдержавшись, истерически захихикал в кулак.

– Вот именно. Не тот, с большой буквы, но и не из рядовых. – За-метив, что Безакцизный продолжает хихикать, Тойфель-Мальфас рас-тянул бескровные губы в ответной ухмылке: – Что, не веришь на сло-во? Доказательства требуются? Ох, адвокатская душа! Что ж, изволь. Сейчас ты узришь мое истинное обличие, – торжественно заявил он. И добавил: – Соберись...

– Фу-у! – с чувством произнес Мальфас-Тойфель через минуту, от-ступая подальше от лужи блевотины. – Посмотри, что ты натворил, едва не уделал меня. Мог бы потерпеть из вежливости. Просил же – со-берись... И утри лицо – смотреть противно.

– Г-господин... э-э... барон, – выдавил из себя через некоторое вре-мя Семен Маркович, – могу я узнать, чему, так сказать, обязан вашим... э-э... визитом?

– Опять двадцать пять! Ты же сам меня вызвал.

– Вот как... Но, позвольте, каким образом? Буквально, то есть ни сном ни духом...

– Ты исполнил условия ритуала, – пожал плечами дьявол. – В ше-стом часу шестого числа шестого месяца на протяжении одиннадцати минут шестикратно помянуть мое имя, вот какие.

– Ах, так! – почти радостно воскликнул Безакцизный. – Так уверяю вас, господин барон, это вышло совершенно случайно. То есть абсо-лютно! Ни сном, как говорится, ни духом.

– Случайно, не случайно... Он, понимаешь, ни ухом, ни брюхом, а мне – мотайся. Концы, между прочим, не близкие, – Мальфас даже плюнул в сердцах. – Короче, раз случайно, тогда я удаляюсь. Позвольте откланяться, ауфвидэрзэен, майн фройнд.

С этими словами барон Мальфас аккуратно положил сигару на край пепельницы и направился к входной двери.

– Ой! – удивленно воскликнул Семен Маркович. – Иван Карлович, у вас пиджак сзади разрезан. И на шляпе пятно.

– Твой Иван Карлович три дня как помер, – не оборачиваясь, раздра-женно бросил гость.

– Вот че-ерт! прошу прощения... Но как так, однако, умер?

– А так. Взял себе да и помер, тебя не спросил. Шесть пулевых ра-нений грудной клетки и два брюшной полости, да еще контрольный в голову; полкумполо снесло напрочь. Что ему еще оставалось?

– Я не совсем понимаю, – смутился Безакцизный, – но вот же... но как же... однако...

– Это ты про тело? Его я временно позаимствовал, на правах старого знакомого, хе-хе! Нам, чертям, в жмурика вселиться легче всего.

– О! То-то я чувствую, попахивает от вас... специфически.

– Ладно, мне пора, а то в морге хватятся.

– Один момент, постойте, погодите! – вдруг всполошился Семен Маркович. – Разрешите полюбопытствовать... а-а... чего вы ожидали от своего, так сказать, визита? В смысле, для каких надобностей вас, э-э... вызывают обыкновенно? Ну, которые остальные прочие.

– Да всё всегда одно и то же, – отмахнулся черт. – Власти, денег хотят, здоровья, мужской силы, женщин, вечной жизни... да мало ли у вашего брата желаний? И не сосчитать.

– Вечной жизни? – неожиданно заинтересовался Безакцизный. – И вы это можете?

– В преysкуранте не значится, – усмехнулся Мальфас, и мертвые глаза его тускло замерцали, точно уголья в остывающей печи.

– Жалость какая! – сокрушенно воскликнул Семен Маркович. – Но почему же, почему?

– Потому что это обесценило бы встречные обязательства клиента, – пояснил барон и вдруг подмигнул Безакцизному. – А тебя, вижу, зацепило? Будем заключать договор?

– Договор – это в смысле я вам душу, а вы мне что-нибудь существенное, согласно преискуранту?

– Ну вот, видишь – ты и сам все знаешь. Так как, ударим по рукам?

– Скажите, – замылся Семен Маркович, – вечная жизнь под запретом – это я понял, но могу ли я, к примеру, оговорить для себя долгую, очень долгую жизнь?

– Насколько долгую? – прищурился черт. – Конкретику давай: срок, дата, возраст. Ты ж юрист, должен понимать.

– Ну-у... – засомневался адвокат, – а до завтра подумать можно?

– Морген, морген, нур нихът хойтэ? Не можно! Говори сейчас. Или никогда.

– Сколько тогда попросить? Как же быть? – забормотал Семен Маркович.

– А про свою бессмертную душу ты уже все решил? Уступаешь?

– Душа? Да, да, конечно, душа... Душа – товар не пустячный; вот я и боюсь продешевить. Между прочим, – оживился адвокат, – раз предмет договора – душа, а душа, как вы только сейчас недвусмысленно заметили, вещь бессмертная, то логично было бы получить взамен этого предмета нечто равноценное, например вечную жизнь. Вот это было бы справедливой сделкой. Что? Нет? Понял, понял – вечность просить нельзя... а сколько можно? Какова, так сказать, верхняя планка, где граница дозволенного?

– Не скажу. Называй свою цену, а мы посмотрим. Ну-у! – теряя терпение, взревел дьявол.

Однако Семен Маркович продолжал затрудняться; он хмыкал, мелекал и шарил взглядом по книжным полкам, словно надеясь отыскать там подсказку. Вдруг взгляд его остановился и посветлел.

– Эврика! – воскликнул он и выхватил из ряда книг увесистый том. – Я придумал, придумал! Хочу прожить столько лет, сколько лет этой вот книге, – на едином дыхании выпалил Семен Маркович, потрясая фолиантом.

– Позволь-ка, – хмыкнул барон, забирая книгу из рук Безакцизного, – так-так... «Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина)», том седьмой, издание автора, С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1889 год. Что ж, замечательное издание: полукожаный переплет с бинтами, тиснение золотом, коленкоровая крышка... гм, гм, отличное качество печати, на веленовой бумаге... сохранность просто исключительная, идеальная. Ну-с, давай прикинем: сейчас у нас 2019-й на дворе, верно? Значит, книжке твоей 130 лет... гм, чуть поменьше, но пускай – округлим в твою пользу, я добрый. Что тебе сказать? Книга достойная, хотя уникальным это издание не назовешь. Но в целом, повторяю, выбор достойный. Однако и срок жизни, тобой истребованный, тоже. Хотя... Меня вот что смущает: я смотрю, в твоей библиотеке есть и другие антикварные издания.

– У меня все издания антикварные, – возмутился Семен Маркович.

– Я и говорю, – согласился дьявол, – сплошь кожа да сафьян. Собрание у тебя важное. Но отчего тогда ты выбрал именно Салтыкова? Вон у тебя сочинения Пушкина в пяти томах, кажется, более раннего года

издания... ну-ка, поглядим... Так и есть: 1882 год, московское издательство Анского. О! А вот, к примеру, трехтомные сочинения Хмельницкого – издание Смирдина 1849 года, правда, изрядно потрепанное. Постой-ка, постой, а Даль которого года?... Эге, «напечатана по приказанию г. Министра Внутренних Дел. 1844». Кстати, если тебе интересно, я некоторым образом способствовал появлению сей книги на свет. Приложил, хе-хе, руку. А потому мне не понаслышке известно, что набрана она была всего в десяти экземплярах. И наверняка сохранились из них далеко не все.

– До нас дошел единственный, – уточнил Безакцизный, – тот, который сейчас перед вами.

– Стоит, поди, немерено, – уважительно кивнул черт. – Отчего же выбор пал на Щедрина? Или ты мне, любезный, какой подвох готовишь? Не советую.

– Никакого подвоха! – с обидой в голосе воскликнул Семен Маркович. – Вы ж меня задержали совсем, вот я и схватил первую, что попала под руку. Наверное, сработала мышечная память.

– Мышечная память, говоришь? – с сомнением прищурился Мальфас.

– Именно. Я Салтыкова-Щедрина частенько перелистываю, нравится мне этот автор. А издание какво? Переплет хотя и владельческий, но старинный, не новодельный. Потом, там есть пара интересных экслибрисов и прелюбопытнейший инскрипт на форзаце...

– Прекращай свои библиофильские заклинания! Лучше ответь: поменять, скажем, на Хмельницкого не желаешь?

– Желаю, – с готовностью согласился Семен Маркович.

– Впрочем, раз выбрал, пускай так оно уже и остается. Тэ-эк-с, – потер руки дьявол, – значаца, теперь подпишем мы с тобою договор – и все.

С этими словами барон ткнул рукой куда-то влево, послышался звук, как если бы рвали тонкую материю, и неожиданно добрая половина его руки исчезла, точно растаяв в пространстве. Но уже через мгновение рука была на месте, а синюшные пальцы намертво сжимали пергаментный свиток. В комнате остро пахло сероводородом.

– У вас там всегда так пахнет? – обеспокоился Безакцизный.

– Не всегда. Только если ветер с Гехиномской пустыни. А когда со стороны Коцита дует – так и ничего, – пояснил Мальфас, вручая свиток. – Подписывай.

– Позвольте! Надо бы сначала ознакомиться с документом, хотя бы для порядка.

– Давай, – хмыкнул черт, – знакомься, протокольная душа.

Семен Маркович развернул пергамент и принялся читать вслух: «I. Мы, всемогущий Люцифер, император Адских земель, король Тьмы, герцог всех окаянных, сегодня, в лице Нашего полномочного представителя барона Мальфаса, заключаем Договор о союзе с Семеном Марковичем Безакцизным, который теперь находится с Нами. И Мы обещаем ему любовь монахинь, цветы девственности, милость властителей, всемирные почести, удовольствия и богатства. Он будет вступать во внебрачные связи каждые два дня; увлечения будут приятны для него. Он будет приносить Нам раз в год дань, отмеченную его кровью; он будет попирать ногами реликвии церкви и молиться за Нас. Благодаря действию этого договора он проживет счастливо сто тридцать лет на земле среди людей и, наконец, придет к Нам, понося Господа. II. Мой хозяин и господин Люцифер, в обмен на вышеупомянутые обещания я признаю Тебя как моего

Господа и князя и обещаю служить и подчиняться Тебе в течение всей моей жизни. И я обещаю Тебе, что я буду совершать столько зла, сколько смогу, и что я приведу многих к совершению оного. Я отрекаюсь...»

– Бредятина какая-то! – не дочитав документа, воскликнул Безакцизный и швырнул свиток на диван. – Тут надо все переделать.

– Полегче, любезный, – нахмурился Мальфас – Ишь, ушлый выискался! Десять веков всё всех устраивало, а ему, вишь, – бредятина... Договор типовой, нельзя в нем ничего менять.

– Десять веков! – всплеснул руками Семен Маркович. – Да он лет двести уже как устарел. На кой мне, к примеру, любовь ваших монахинь? А что это еще за «цветы девственности»? Как прикажете понимать сей эвфемизм? Потом, я вовсе не хочу каждые два дня вступать во внебрачные связи. В моем-то возрасте! И вообще, с этим делом я как-нибудь сам... А на кой, простите, черт, вменять мне в обязанность «попираание ногами реликвий Церкви»?! Эдак я, пожалуй, всю выторгованную жизнь где-нибудь в психушке проведу, типа маркиза де Сада! Наконец, договор просто юридически некорректен и даже противоречит нормам гражданского законодательства. Где обязанности сторон, ответственность, форс-мажор?! Опять же существенные условия: предмет договора, цена товара, порядок, сроки и размеры платежей – все как-то нечетко, размыто или отсутствует вообще. А существенные условия должны быть прописаны ясно и недвусмысленно – чтобы исключить возможность двойного толкования в последующем. Кроме того, ни слова не сказано про то, сохраняется ли за мной на весь срок действия договора молодость или же я буду стариться в обычном порядке? Хорошенькое дело! Или вот тут, в самом начале, в преамбуле, отмечено, что вы – уполномоченное лицо Люцифера. А доверенность ваша где, м-м-м? В таком случае к договору непременно должна прилагаться доверенность!

– Ты что же, – рыкнул дьявол, – сомневаешься в моих полномочиях?

– Не в том дело, – отмахнулся Безакцизный, – однако доверенность приложить все одно следует. Дабы подтвердить, что подписант – уполномоченное лицо; в противном случае договор могут счесть оспоримым. А оно нам надо?

– Ладно, будет тебе доверенность, – подумав, проворчал барон Мальфас. Видимо, юридическая риторика и доводы адвоката его все же впечатлили.

– Послушайте, господин барон, – предложил Семен Маркович, поднимая пергамент с дивана, – давайте поступим так: я сейчас сяду и прямо здесь, на месте, подготовлю новый договорчик. Уверяю, много времени это не займет. Минут пятнадцать-двадцать от силы. Зато уж он будет полностью соответствовать и нормам права, и обычаям делового оборота.

Барон Мальфас с минуту пристально разглядывал Безакцизного, а потом махнул рукой.

– Время пошло.

Адвокат метнулся в другую комнату, притащил ноутбук и, плюхнувшись в кресло, картинно встряхнул кистями, словно пианист перед выступлением. Затем принялся стрекотать по клавиатуре столь стремительно, что, правда, не прошло и получаса, как новый вариант договора был готов и распечатан в двух экземплярах.

– Вот, – заявил Семен Маркович, протягивая листы барону, – такое соглашение я готов подписать хоть сейчас.

Дьявол взял один экземпляр и принялся с сомнением просматривать.



– Тэк-с, тык-с, тык-с, «в дальнейшем именуемый “Покупатель”»... – сосредоточенно бубнил он себе под нос, – ...«далее по тексту “Продавец”»... тэк-с, тэк-с... «совместно именуемые – “стороны”»... «предмет договора: Продавец обязуется... бессмертную душу, далее именуемую “товар”... Покупатель, в свою очередь, гарантирует...»; что ж, годится. Тэк-с... «Ограничения и обременения»... «Права сторон»... Ну, это понятно... тут тоже... ладно, пускай... гм, впрочем, пускай его... тэк-с, тэк-с... ага, вот: «Обязанности сторон». Читаем... тэк-с, тэк-с, тэк-с... Ну что же, – резюмировал он, наконец, – несколько для меня непривычно, по-новомодному, но, полагаю, можно подписать и в таком виде. Вот только согласую с руководством.

– А это долго?

– Черт его знает, – ответил черт и провалился сквозь паркет.

Семен Маркович нервно расхаживал по квартире, когда раздался звонок в дверь.

На пороге стоял барон Мальфас.

– Измаялся, небось? – спросил он и подмигнул мутным покойническим глазом.

– Оперативно вы, – признал Семен Маркович.

– Начальство требует, приходится рвать когти, – ухмыльнулся барон и протянул Безакцизному экземпляр договора; в левом нижнем углу виднелся явственный отпечаток раздвоенного копыта, а рядом, в скобках, значилось: «Велиал II Безьяремный».

– Это... э-э, пятно, так понимаю, означает, что договор согласован? – уточнил Семен Маркович.

– Правильно понимаешь. Ну-с, а вот и доверенность. Садимся, подписываем?

– Сейчас. У меня как раз есть ручка со специальными несмываемыми чернилами, берегу для особо важных документов, – засуетился Безакцизный.

– Семен Маркович! – иронически протянул черт.

– Ах, ну да, конечно, разумеется, – догадался Семен Маркович и смущенно добавил: – Я крови боюсь.

– Здравьте! – еще больше развеселился бес. – Как из клиентов ее литрами пить, он не боится, а тут – нате, перетрусил. Давай сюда руку! Левую, не правую. Вот так.

Когда все было кончено, барон сунул свой экземпляр договора в карман и молча направился к выходу. Уже за дверью он обернулся и, пристально глядя Безакцизному в глаза, хрипло пробасил:

– Айл би бэк.

Через восемьдесят девять лет, когда председателю Межпланетной гильдии адвокатов и видному общественному деятелю Семену Марковичу Безакцизному стукнуло сто тридцать, к воротам его загородного замка припарковался аэрокатафалк фирмы «Харончик и сыновья»; из катафалка вышел незнакомый председателю покойник и приветственно помахал камере наблюдения.

– Не ждал, старый греховодник? – поинтересовался усопший, представ перед Семеном Марковичем.

– Как можно, вассиясь, разумеется, ждал, – отвечал Безакцизный. – Уже и сигарку припас – «Кабаньяс», как вы любите.

– Очень мило, – усмехнулся барон Мальфас. Из-за того, что лицевые мышцы слушались его плохо, улыбка вышла чуть натянутой. – Но не

будем тратить времени, ты и так им от души попользовался. – Дьявол окинул взглядом роскошные апартаменты. – Ишь, прямо Валтасаров дворец. А ты несколько не изменился, даже помолодел, курилка, – добавил он, хлопая адвоката по плечу.

– Так предусмотрено соглашением. Что ж, пройдемте в библиотеку?

– Зачем это? – удивился черт.

– Ну как же – сверимся с условиями договора, вдруг какая накладка.

Или коллизия.

– Какая, к дьяволу, коллизия? – нахмурил брови барон. – Наша сторона свои обязательства выполнила, теперь черед за тобой. И не вздумай уваливать, даже не пытайся!

– Мне все же кажется, что вы несколько торопите ход событий. И превратно толкуете условия нашего договора. Впрочем, пойдемте в библиотеку, там все и проясним.

Дьявол мрачно хмыкнул, но пошел следом за адвокатом.

– Ну, где договор? Смотри, если там какие подчистки, так второй экземпляр у меня – сверим.

– Как же вы плохо обо мне думаете, – поразился Семен Маркович. – Подчистки, фи! А договор, вот он. Так, читаем... бла-бла-бла... ага, вот: «...Покупатель обязан предоставить Продавцу земную жизнь общим сроком (считая с рождения и до дня смерти), равным возрасту седьмого тома сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), изданного в г. С.-Петербурге, в типографии М. М. Стасюлевича, в 1889 году, какая книга является неотъемлемым Приложением к настоящему Договору и подлежит дальнейшему хранению у Продавца».

– Ну? И что дальше? – нетерпеливо бросил барон.

Вместо ответа Семен Маркович подошел к книжным стеллажам и, отключив защитное поле, бережно взял в руки знакомый том в полукожаном переплете с бинтами.

– Вот она, родимая моя, – любовно проворковал он, протягивая книгу Мальфасу, – двести девятнадцать лет, а она все как новая.

Дьявол раздраженно выхватил у него из рук фолиант.

– В чем подвох? – спросил он через минуту, тщательно оглядев и даже обнюхав книгу.

– Никакого подвоха, помилуйте! – обиженно округлил глаза адвокат. – Просто мы же с вами уговорились, что проживу я столько же, сколько лет этой книге. А сколько ей лет? Правильно, двести девятнадцать. Мне же сегодня всего сто тридцать исполнилось. Вот и выходит, что поторопились вы со своим визитом!

– Постой-ка, постой, – озадаченно произнес черт, – что ж это получается? Это значит, что когда тебе стукнет двести девятнадцать лет, книга состарится вместе с тобой и тем самым срок твоей смерти снова отодвинется на очередные восемьдесят девять лет? Ты что же, собрался жить вечно?!

– Не совсем так, – хихикнул адвокат, – ведь когда-нибудь книга рассыплется в прах. Надеюсь только, произойдет это нескоро – я за ней тщательно ухаживаю: берегу от пыли, регулярно проветриваю, корешок смазываю пчелиным воском и ланолином. Так что вы давеча правы были: мой выбор пал на эту книгу неслучайно, просто она из всего моего собрания находилась в самом идеальном состоянии, да и качество материалов, из которых она изготовлена...

– Шалишь, брат! – перебил его черт. – Я, между прочим, в пекле не блины пек – было время, чтобы поизучать ваши законы, – знал ведь,



с кем имею дело. Так вот, согласно части третьей статьи сто пятьдесят девятой Гражданского кодекса, что действовал на момент заключения нами сделки, устные договоренности сторон также имеют силу.

– Ну и что? – пожал плечами Безакцизный. – Мы и в устной форме оговорили ровно то, что записали потом в договоре.

– Э, нет, – заупрямился Мальфас, – я помню прекрасно: изначально речь шла именно о ста тридцати годах.

– Неправда! Я юрист и словами не бросаюсь.

– А вот мы это сейчас проверим, – заявил дьявол и принялся выводить руками замысловатые пассы. Через мгновение посреди библиотеки сформировались две полупрозрачные фигуры – давно убиенного псевдо-Тойфеля и адвоката Безакцизного. «Хочу прожить столько лет, сколько лет этой вот книге», – глухим, словно дальнее эхо, голосом произнес призрачный двойник Семена Марковича.

– Видите, видите! – с ликованием воскликнул последний. – Конкретной цифры я не называл. И слов о том, что речь идет о возрасте книги на момент заключения сделки, тоже не прозвучало.

– Но ты не утверждал и обратного.

– Правильно. Эту мою фразу можно толковать двояко, поэтому следует обратиться к письменному документу – договору...

– Но в нем тоже нет никаких цифр! – прорычал Мальфас.

– В соответствии со статьей четырехста тридцать первой Гражданского кодекса, во внимание должно принимать буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений. А буквальное истолкование – мое!

Барон Мальфас некоторое время молча смотрел на Безакцизного, а потом увещавательно произнес:

– Ну ты что, и вправду настроился на вечную жизнь? Подумай хорошенько, про Вечного Жида вспомни. Ведь вечная, нескончаемая жизнь – это проклятие; ты же взвоешь от скуки. Предлагаю компромиссное решение...

– Бросьте! – в свою очередь, перебил его адвокат. – Бросьте, господин барон. Проклятие и скука – это для бездельников да глупцов, для тех, которые и в отмеренный-то им срок скучают да маются. Работать надо, дело делать, оно тогда и не скучно вовсе. В конце концов, мир, вселенная – бесконечны; чем не безграничный полигон для вечного познания? Вот я, к примеру, за свои сто тридцать лет совсем не пресытился... Э, да вы, ваше сиятельство, вижу, расстроились. Что, попадет вам от руководства? Кто ваш непосредственный-то начальник? Князь Ада Велиал Безъяремный? Он, когда не ошибаюсь, из херувимов будет, то бишь второй чин первого легиона аггелов бездны? Хе-хе, как видите, пока вы штудировали право, я в основы демонологии вникал, тоже не терял времени-то...

– С чертом шутки шутить вздумал?! – рявкнул дьявол, тряся указательным пальцем перед самым адвокатским носом. Вдруг кончик его пальца покраснел, раскалившись точно кузнечный оковалок, и он с силой ткнул им в драгоценный том. Раздалось шипение, остро пахнуло серой, и книга – вся и разом – полыхнула синим адским пламенем.

– Библиотеку мне не пожги, нехристь! – всполошился Семен Маркович.

– Я черт, а не Геббельс.

Через пару секунд от седьмого тома сочинений Салтыкова-Щедрина осталась лишь горстка серого пепла. Черт дунул на нее – и та рассеялась по комнате невесомым облачком.

– Ну что?! – торжествующе воскликнул он. – Понял теперь, как с Нечистым тягаться, бумажная душа? Так и быть – дополнительные семьдесят девять лет сверху ты себе отыграл, черт с тобою – я добрый. Зато, когда я заявлюсь к тебе в следующий раз, книги – твоей спасительницы у тебя уже не будет. Что предъявишь ты мне тогда? И вот тогда – тогда тебе придется отправиться со мной – в самое Пекло, ох, и там-то мы – ла-ла-ла! повеселимся от души, от души!

С этими словами дьявол, видимо, не в силах сдержать эмоции, закружил по библиотеке, приплясывая и мурлыча себе под нос на мотив «Сатана там правит бал»: «Ла-ла-ла-ла! Ла! Ла-ла!»

Все это время Семен Маркович внимательно, с легким сочувствием, наблюдал за бароном, а потом, откашлявшись, произнес:

– В принципе, я мог бы и не информировать вас сейчас, но ваши визиты всякий раз сопряжены с появлением трупов, а я их, извините, с трудом перевариваю.

– О чем это ты? – спросил черт, прерывая победную пляску.

– По ходу нашего прошлого разговора вы сами отметили, что выбранное мной издание не является уникальным. Мне и впрямь не составило особого труда отыскать и приобрести другой экземпляр этой самой книги. Так что том, которому вы сейчас устроили столь эффектное аутодафе, – дубликат.

– Врешь! – взревел дьявол; когда бы в теле, в котором он сейчас пребывал, оставалась хоть капля крови, он наверняка побагровел бы от злости, а так лицо его только еще сильнее налилось трупной синевой, местами даже позеленев. – Где тогда оригинал?! Изволь предъявить!

– Оригинал сохраняется в банковском сейфе, запаянный в платиновую капсулу.

– Адрес банка! Живо! Я должен удостовериться!

– Разумеется, – согласился адвокат, с готовностью называя Мальфасу адрес, – только, прошу вас, держите себя в руках, не надо больше актов вандализма, имейте в виду...

Но дьявол, не обращая на Безакцизного внимания, как давеча сунул левую руку по самое плечо куда-то в иное пространство и принялся лихорадочно там шарить. Неожиданно он пронзительно взвизгнул и поспешно, изрыгая проклятия, выдернул руку. Семен Маркович с удовлетворением отметил, что материализовавшаяся конечность изрядно обуглилась и дымится.

– ...имейте в виду, – закончил он, – что капсула с книгой помещена в сосуд со святой водой.

– Чертов, чертов адвокат!! – завопил барон, тряся искалеченной рукой. – Хитрожолая бестия!! Твое место в аду! У тебя же Пятый Росщеп Злых Щелей на лбу отпечатан! Чтоб тебя черт побрал! Ну погоди – ужо я тебе!..

Так и не конкретизировав до конца своей угрозы, дьявол в дыму и пламени провалился сквозь пол, вероятно, на ковер к руководству. И более уже никогда Семена Марковича Безакцизного не тревожил.

Потому что недаром говорят: хороший адвокат и черта закружит.

# ЛЕГКИЙ СПОСОБ

В кабинете сидят двое: человек лет тридцати в строгом деловом костюме – за столом, а напротив него, в низком кресле – мужчина под пятьдесят с помятым лицом и блуждающим взглядом; последний явно нервничает.

Человек в костюме некоторое время пристально смотрит на посетителя, а потом произносит:

– Вы слишком напряжены, Владимир. Расслабьтесь.

– Ладно, – кивает Владимир. – А вас, простите...

– Зовите меня доктором. Полагаю, так будет правильно.

– Как скажете.

– Поверьте, всё будет хорошо, – убеждает его доктор. – Я использую многократно проверенную методику Каррена Алла. Это самый легкий способ избавиться от зависимости.

– Угу.

Доктор выкладывает на стол пачку сигарет и коробку сигар, аккуратно расставляет – коробку слева, пачку справа. Пациент наблюдает за этими манипуляциями с недоумением и тревогой.

– Скажите, Владимир, – продолжает доктор, – вы сознательно решили расстаться с этой мерзкой привычкой?

– Да.

– И это действительно *ваше* решение?

– Абсолютно.

– Что ж, уже неплохо, – кивает доктор. – А с какого возраста вы пристрастились?

– С пятнадцати лет.

– М-да... А помните, кто предложил вам попробовать?

– Первый раз? Отец.

– Родной отец? – поднимает брови доктор, неодобрительно качая головой.

– Поймите правильно, в те времена это не считалось особенным пороком. Даже напротив, свидетельствовало о том, что юноша повзрослел, стал, так сказать, самостоятельным...

– Не стоит оправдывать то, что недостойно оправдания, – останавливает его доктор. – Главное, сейчас вы полны решимости перестать наконец кормить это маленькое чудовище. Давайте так, для наглядности, назовем вашу зависимость.

– Ну не такое уж и маленькое, – замечает Владимир, бросив рассеянный взгляд на коробку с сигарами.

– Конечно, – соглашается доктор, – тут все зависит от толщины кошелька и личных пристрастий. Хорошо, пусть будет просто «чудовище». Но, согласитесь, это именно чудовище. И оно просит, чтобы

его регулярно кормили! Буквально требует: «Покорми меня! Покорми меня!» – Последние слова доктор произносит противным, визгливым голосом капризного ребенка. – А что вы получаете взамен? Задумывались над этим? Постоянный ущерб здоровью, как своему, так и окружающих. Риск в любой момент оказаться прикованным к больничной койке. Возможно, навсегда. И, наконец, просто умереть, не дожив до старости! Согласны?

– Согласен, – неуверенно кивает Владимир.

– А раз так, почему вы не бросили раньше? – резко спрашивает доктор, подавшись вперед. Теперь он угрожающе нависает над пациентом. – Отчего столько лет потакаете этому чудовищу? Можете назвать причины? Я слушаю, давайте! Давайте!

– Ну, понимаете, – начинает Владимир, – жизнь в городе – сплошной стресс. Да и работа у меня нервная. А эта привычка...

– Зависимость, – поправляет доктор. – И мы договорились именовать её чудовищем.

– Да, да. Так вот с ним я чувствую себя как-то комфортнее, спокойнее, защищеннее даже. Особенно в таком мегаполисе, как Москва. И, наоборот, без этого дела вскоре начинаю нервничать, испытывать тревогу, дискомфорт. А то и вовсе впадаю в депрессию... Как-то так.

– А удовольствие от самого процесса испытываете?

– Бывает, – после легкой заминки признается Владимир.

– Всё правильно, – улыбается доктор. – А теперь слушайте внимательно. Сейчас я вас удивлю. Всё, что вы перечислили: и чувство защищенности, и комфорт, и приятные ощущения – всё это лишь иллюзия. Да, да! Реальны только психо- и физиологические неудобства, которые возникают при длительном воздержании. Потому как это симптомы обычного абстинентного синдрома. Или ломки.

– Но позвольте, доктор...

– Не позволю! Вы хотите избавиться от своей зависимости? Так? А раз так, не перебивайте и верьте всему, что я вам говорю. Иначе эффекта не будет. Припомните-ка, разве до того как заработать свою зависимость вы чаще чем сегодня раздражались, впадали в депрессию? И наоборот, неужели с тех пор, как вы превратились в раба привычки, невротические состояния сделались более редкими? Вот видите! Разумеется, нет! Так вот, на самом деле, потакая вашему чудовищу, вы никоим образом не защищаете себя от стрессов. И удовольствия тоже никакого не испытываете. Вместо этого вы просто снимаете неприятные ощущения, вызванные ломкой. Отсюда – ложное чувство комфорта и всё прочее. То есть практически всякий раз вы приходите в норму. Улавливаете? В норму! Иначе говоря, возвращаетесь в то состояние, в котором нормальный, здоровый человек, не подверженный этому вредному, пагубному пристрастию, пребывает постоянно. Согласны? Согласны?! Ну-ка, в глаза мне, в глаза! Да или нет? Нет или да?!

– Д-да.

– Вот и славно. Теперь добавим немного мотивации, дабы закрепить результат. Вы наверняка почувствовали, что в последние годы отношение общества к вам и вам подобным кардинально поменялось. Вместо терпимости, индифферентности, а порой и снисходительного одобрения – резкое повсеместное осуждение. А то и обструкция. Сегодня это не просто дурной тон. Сегодня это асоциальное поведение. А в публичных местах и вовсе – административное правонарушение. И подобная государственная политика – политика нажима и давления –

будет только усиливаться. Скоро уже не останется мест, где бы вы смогли открыто предаться своему пороку. Во всяком случае, в городах и вблизи населенных пунктов. Что вы будете делать тогда? Уверяю вас, пройдет совсем немного времени, и безнаказанно отравлять воздух вы сможете разве что где-нибудь за городом, в пустынной местности. А оно вам надо? Стоит ли ваше чудовище подобных жертв? Подумайте над этим.

Владимир задумывается. В памяти послушно оживают картинки: косые взгляды сослуживцев, соседей по дому и просто прохожих. Он вспоминает, как при его приближении мамыши в ужасе спешат закрыть лица своих детей платочками или марлевыми повязками. Припоминается ему и недавнее выступление какой-то пучеглазой, похожей на рассерженную осу, депутатки от «Конкретной России». Как она тогда говорила? «Мы добьемся, чтобы рабы этой гадкой привычки повсеместно чувствовали себя гражданами второго сорта. Изгоями! Их не станут принимать на работу. На них начнут смотреть как на латентных убийц. И это справедливо! Ведь по сути они преступники. Они рискуют не только своими жизнями, но и постоянно, ежеминутно гробят наше здоровье! Почему мы это должны терпеть? Почему остальные обязаны по их милости дышать этой гадостью?!»

– Давайте смотреть правде в глаза, – продолжает доктор, – эта пагуба отнимает ваши время, деньги, подвергает риску вашу жизнь и крадет здоровье окружающих. Известно ли вам, сколько людей в России ежегодно гибнет от, образно говоря, лап чудовища, которому вы верно служите? Я вам скажу: тридцать четыре тысячи! И еще триста тысяч остаются по вине этого порока инвалидами. Причем половина из них – невинные, пассивные жертвы. А в масштабах всего мира эта цифра приближается к полутора миллионам. Вдумайтесь в эти цифры. Ведь это же геноцид! А вы – его орудие. Ладно бы вы рисковали только своим здоровьем, так нет, вы подвергаете смертельному риску жизни тысяч и тысяч других людей, не страдающих такой зависимостью. Дети, старики, беременные женщины. Чем они провинились перед вами?

– Довольно, доктор! – просит Владимир, утирая пот со лба. – Я все понял. Осознал. Проникся. И готов завязать. Навсегда!

– Отрадно слышать, – кивает доктор. – Что ж, сдавайте ключи от вашего чудовища. Кстати, какой оно у вас марки?

– Джип «Гранд Чероки», – отвечает Владимир, дрожащей рукой протягивая ключи зажигания.

– Я лично прослежу, чтобы уже сегодня ваш «Гранд Чероки» пошел под пресс, – заверяет доктор. – Вот увидите, совсем скоро вы ощутите, что стали свободнее. Теперь не надо тратить деньги на бензин и ремонт, терять время на парковку и стояние в пробках, наконец, волноваться, что кто-то угонит вашего монстра. Свобода! Кроме того, вы избавитесь от иссушающего чувства вины. Ведь в выхлопах вашего джипа – вся таблица Менделеева. И альдегиды всякие с оксидами, и бензпирен, и сажа... Настоящая нацистская душегубка!

– Так-то оно так, – вздыхает Владимир. – Одна беда – от общественного транспорта я изрядно поотвык за эти годы.

– Это беда небольшая! Вы скоро привыкнете. Метро удобнее, быстрее и надежнее. А главное, метро самый безопасный вид транспорта. Никаких пробок, никаких проблем с парковкой и расходов на бензин. И никаких вредных выхлопов! А если вас смущает запах немытых тел – та проблема легко разрешима. Достаточно, прежде чем спускаться

ся в подземку, выкурить сигаретку. – Доктор подвигает Владимиру пачку. – А лучше – сигару. – Пододвигает коробку с сигарами.

– Но я некурящий.

– Ничего, голубчик, закурите. Кстати, при выходе из метрополитена тоже неплохо подзарядиться никотинчиком. Снимает, знаете ли, раздражение и всё такое. Между прочим, вы в курсе, что курильщики практически никогда не страдают старческими недугами, вроде деменции, болезнью Альцгеймера или Паркинсона, ну и тому подобного?

– Нет, – растерянно мотает головой Владимир, – я этого не знал.

– Вот! – Доктор значительно поднимает палец. И с хитрой усмешкой добавляет: – Теперь будете знать. Научный факт... Ну, ступайте, ступайте. Да, и если вас не затруднит, голубчик, попросите там следующего, чтобы заходил.

– Спасибо вам, доктор, огромное!

Владимир встает, но у двери внезапно оборачивается и робко спрашивает:

– А если я... если я куплю электромобиль?

– Не советую! Во-первых, так вы никогда не избавитесь от зависимости. Это будет лишь очередная подмена, обманка. Вроде той же электронной сигареты. А во-вторых, Дума постановила распространить на личные электромобили общие ограничения и запреты. Потому как они – скрытая реклама бензиновых авто. Вот так вот!